

А.И. Попов
А.И. Попов

ПЕРВЫЕ БОЕВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ В 1812 ГОДУ

THE FIRST COMBAT CLASHES IN 1812

В докладе установлены, перечислены и проанализированы самые первые боевые столкновения Отечественной войны 1812 года, из которых российским читателям наверняка известно только одно, произошедшее прямо на границе. Для полноты картины и ее объективности автор кроме отечественных источников привлек к исследованию иностранные.

The report identifies, lists and analyzes the very first combat clashes of the Patriotic War of 1812, about which Russian readers probably know only one that happened right at the border. To complete the picture and its objectivity, the author, besides domestic sources, involved foreign sources to the study.

Ключевые слова: 1812 год, Отечественная война, боевые столкновения, историография.

Keywords: 1812, Patriotic War, combat clashes, historiography.

На первый взгляд такое название доклада может показаться странным – неужели же до сих пор даже искушенным историкам это остается неизвестным? Ну разумеется, все знают, что первыми с неприятелем 12 (24) июня столкнулись посты лейб-гвардии Казачьего полка, хотя и это неточно! Однако посмотрите самую детальнейшую хронику войны 1812–1815 гг. А.А. Подмазо, и вы обнаружите, что именно эта стычка там не названа, а следующим боевым столкновением, упомянутым в его книге, является бой арьергарда корпуса генерала П.Х. Витгенштейна под командой генерала Я.П. Кульнева при Девельтове с авангардом корпуса маршала Н.Ш. Удино 16 (28) июня.

Более информированные читатели смогут припомнить, что самое детальное описание той войны более 100 лет назад составил Н.П. Поликарпов, где были упомянуты почти все боевые столкнове-

ния данного периода.¹ Это, безусловно, так, но, в любом случае, обоим этим авторам хронически не хватало знания иностранных источников, что делало их изложения «односторонними». «Независимый исследователь» А.Г. Власенко недавно заявил, будто помимо упомянутой пограничной стычки войска 1-й Западной армии участвовали лишь в одном относительно серьезном бою 23 июня (5 июля) (при Какувчине)². Разумеется, это не так. Поскольку мы уже отправили в печать статью о бое при Девельтове, то в данной статье мы проанализируем только те бои, которые произошли в первые четыре дня войны.

1) Итак, согласно официальной версии, самым первым столкнулся с противником разъезд лейб-гвардии Казачьего полка, который обменялся с ним несколькими выстрелами и отступил назад по приказу командира полка генерала В.В. Орлова-Денисова. В этой связи возникает вопрос, детально рассмотренный в исследовании А.И. Сапожникова. Он заметил, что участники войны, начиная с генерала Ф.П. Сегюра, упоминали о том, что к переправившимся французам подъехал казачий офицер, задал им несколько вопросов и ускакал под свист пуль. А.И. Михайловский-Данилевский в двух своих трудах также упомянул об этом же эпизоде, ссылаясь на один и тот же источник (рассказы Орлова-Денисова), но каждый раз называя другое имя. В первом случае он назвал имя офицера лейб-казаков Жмурина, во втором случае – штабс-ротмистра Рубашкина. Сапожников посчитал, что «замена в рассказе одного офицера другим... объяснима: первый к тому времени умер, а отставной генерал А.Н. Рубашкин был еще жив. Как не упомянуть живого соратника?..

Но каким образом гвардейский полк оказался на кордонных постах? Судя по документам, он располагался южнее переправы и на удалении от границы». Кроме того, в ту ночь был устроен бал для императора, и потому возникает вопрос: «Почему один из генерал-адъютантов, которых в армии было не так уж и много, отсутствовал? Маловероятно, чтобы, нарушив придворный этикет, он предпочел находиться на кордонном посту». На участке границы у м. Понемунь, где происходила переправа главных сил неприятеля,

пограничные посты содержали казаки 1-го Бугского полка, командующим которого был есаул С.Ф. Жекул, который и был, вероятно, первым офицером, сообщившим о переправе. Полк насчитывал 10 обер-офицеров, 493 казака и 509 верховых лошадей. Начальник авангарда 2-го пехотного корпуса генерал А.М. Всеволожский 1-й приказал Жекулу «вести перестрелку и ударить под неприятеля». Штабс-ротмистр В.М. Жмурин со своим взводом лейб-казаков находился в Жижморах и также сообщил о переправе полковнику И.А. Протопопову, но очевидцем ее он не был.³

Мы не будем дискутировать с Сапожниковым, ибо казаки – это его епархия, но заметим, что не все неприятельские мемуаристы писали о том, что первыми их встретили именно казаки. Так, шеф эскадрона Р. Сólтык, по приказу императора переправившийся через Неман на одной из первых лодок, писал: «Только после того, как на правый берег высадились около сотни человек, издали послышался шум несущихся галопом лошадей. На расстоянии примерно ста шагов от нашего слабого авангарда остановился сильный взвод гусар московитов, которых мы узнали, несмотря на ночную тьму, по их белым султанам. Командовавший этим взводом офицер приблизился к нам и крикнул по-французски: “Кто идет?” – “Франция,” – ответили наши солдаты в полголоса. “Что собираетесь вы здесь делать?” – спросил московит, обращаясь к нашим все время на хорошем французском языке. “Увидите, черт возьми!” – решительно ответили наши стрелки. Тогда офицер, вернувшись к своему взводу, приказал сделать залп из карабинов, на который никто с нашей стороны не ответил, и неприятельские гусары ускакали полевым галопом».

Полковник Л.Ф. Лежен вспоминал, что «неприятельские эскадроны, достаточно многочисленные, ретировались перед нами, почти не сопротивляясь». Капитан Ф. Жиро де л’Эн писал, что возле места переправы на другом берегу находились лишь несколько русских эскадронов, которые не могли воспрепятствовать наведению мостов. По словам секретаря императора А. Фэна, «нам противостояли лишь несколько казачьих пикетов, которые кавалерия генерала Пажоля быстро удалила».

Сын генерала Пажоля написал, что «утром 24-го бригада Пажоля перешла реку, за ней тотчас последовала кавалерия Бордесуля и вся пехота 1-го корпуса. Никакие неприятельские войска не противодействовали переправе; Ковно и мосты на Вилие оказались в нашей власти». Однако этот пассаж противоречит показаниям всех источников.⁴

Странно, но мало кто из отечественных историков интересовался, а с кем же конкретно столкнулись казаки. Многие из них сочиняли откровенные фантазии. Так, Михайловский-Данилевский написал, будто первыми переправились «500 поляков 13-го полка»; ему вторил А.П. Скугаревский: «На спущенных пантонах были переправлены... три польские роты». Некто Бориславский сочинил, будто это были «3 роты охотников». Н.Ф. Гарнич выдумал, будто три роты 13-го полка переправились «на правый берег Немана и без выстрела двинулись для занятия Ковно».

Авторы юбилейного труда написали, что «первыми ступили на правый берег реки три польские роты вольтижеров 13-го полка легкой пехоты», даже не подозревая, что у поляков таких полков не было. «Известный военный историк и писатель» А.В. Шишов упомянул о наведении четырех мостов через Неман, одновременно с чем «три роты вольтижер 13-го линейного полка» переправились на лодках.⁵ Однако в источниках прямо указано, что это был именно полк легкой пехоты, а четвертый мост будет переброшен у Алексоты несколько позже, лишь после занятия Ковно.

Между тем, в этом вопросе нет никакой тайны, ибо, согласно приказу о переправе через Неман, отданному Наполеоном 23 июня, первыми вместе с понтонными парками должны были двинуться «дивизионный генерал Моран во главе трех рот вольтижеров 13-го [полка] легкой пехоты под командой лучшего шефа батальона, 50 саперов и капитана инженерных войск». Затем на берегу размещались несколько батарей. После постройки мостов по ним тремя колоннами переправится дивизия Морана, а потом «генерал Пажоль переправится с двумя отборными ротами из своей бригады, одна по центральному мосту, а другая по правому мосту... Кавалерия не бу-

дет высылать никаких патрулей; она только оставит на сторожевой заставе одну роту в направлении Ковно, другую – в направлении по течению реки».⁶

2) В тот же день состоялось еще одно боестолкновение – стычка на р. Вилие. Капитан 2-го швейцарского полка Л. Бего из корпуса Удино вспоминал: «Мы перешли Неман по трем понтонным мостам, один был предназначен для артиллерии, а два других для пехоты и кавалерии. В одном часу расстояния от места, где мы осуществили переправу, наш авангард уже повстречался с русским арьергардом, переход основных сил нашего армейского корпуса также осуществился под крики “Vive l’empereur!”. В течение нескольких часов к нам прибыло уже некоторое количество русских пленных. Кампания в России началась. Она открылась при самых счастливых предзнаменованиях».

По словам Сегюра, император был очень раздражен тем, что русские разрушили мост и оказали сопротивление войскам Удино. «Наполеон сделал вид, что презирает это, как все, что составляло ему препятствие, и приказал польскому эскадрону своей гвардии переплыть реку. Это отборное войско бросилось туда безо всякого колебания. Вначале они шли в порядке, а когда глубина увеличилась, и они уже не достигали дна, то удвоили усилия и вскоре вплавь достигли середины реки. Но там более сильное течение разъединило их. Тогда лошади перепугались, уклонились в сторону и их стало уносить силой течения. Они уже перестали плыть и просто носились врассыпную по поверхности воды. Всадники выбивались из сил, тщетно стараясь заставить лошадей плыть к берегу. Наконец, они покорились своей участи.

Их гибель была неизбежна, но они пожертвовали собой перед лицом своей родины, ради нее и ее освободителя! Напрягая последние силы, они повернули головы к Наполеону и крикнули: “Да здравствует император!”. Трое из них, еще держа голову над водой, повторили этот крик и затем исчезли в волнах. Армия точно застыла от ужаса и в восхищении перед эти подвигом. Что касается Наполеона, то он быстро отдал приказания и с точностью указал все,

что нужно было сделать, чтобы спасти наибольшее число из них. Он даже не казался взволнованным – оттого ли, что привык подавлять свои чувства, или же считал всякие проявления подобных чувств на войне неуместной слабостью, пример которой он не должен был показывать».

Шеф эскадрона А.Д. Хлаповский из этого же полка – 1-го гвардейского шеволежерского – писал, что «в этот день Козетульский нес службу. Император приказал ему переправиться через Вилию с одним эскадромом, так как на другом берегу были замечены казаки. Наши люди бросились в реку, где несколько наших утонуло; казаки поспешно отступили. Остались три эскадрона шеволежеров под командой генерала Конопки; император приказал им также переправиться через Вилию вслед за Козетульским и поехать на разведку до Червонодвора, деревни, расположенной на берегах Невяжи. Помещик этой деревни г. Забелло встретил нас вместе со своей супругой и провел весь вечер с нами на нашем биваке. Мы перешли Вилию вброд, едва в пятнадцати шагах от места, где Козетульский преодолел ее вплавь; наши лошади оказались в воде по брюхо, и мы едва замочили наши чапраки». Забелло из Червонего Двора являлся ковенским подкоморжим.

Марбо писал: «Полк, которым я командовал,.. перешел Неман по первому мосту возле Ковно и сразу же направился к Яново. Жара стояла удушающая. К ночи она вызвала ужасную грозу, и проливной дождь залил все дороги и поля на 50 лье в округе. Однако армия не увидела в этом дурной приметы, как привыкли говорить, поскольку солдат считает град и гром явлениями, вполне естественными летом... Как бы то ни было, гроза сильно охладила воздух, и наши лошади тем более страдали от этого на биваках, что им пришлось есть мокрую траву и ложиться на сырую землю. Поэтому армия потеряла несколько тысяч лошадей из-за приступов острых колик.

За Ковно протекает очень маленькая речка Вилия, мост через которую противник уничтожил. После грозы вода в этом притоке Немана поднялась, так что передовым частям Удино пришлось остановиться. Император появился в тот момент, когда я сам подъезжал

к голове колонны моего полка. Он приказал польским уланам попытаться перейти вброд: один человек утонул; я узнал его фамилию, его звали Чинский. Я подчеркиваю эту деталь потому, что случаю, происшедшему при переправе польских улан через Вилию, уделялось слишком большое внимание».

Лейтенант 2-го швейцарского полка из этого корпуса Б.Л. Ислер написал, что когда главные силы армии двинулись к Вильно, «второй армейский корпус с кавалерийской дивизией Думерка получил задачу прикрыть их с севера и держать под угрозой русскую дивизию Витгенштейна. У Яново 2-й армейский корпус перешел Вилию». Об этом же писал и 1-й лейтенант 124-го линейного (голландского) полка этого же корпуса В.П. Д'Озон де Буаминар, упомянувший еще евреев, одетых в поношенные верхненемецкие фраки.

Судя по рассказу Марбо, этот бой произошел у Яново. Мы сомневаемся в этом, поскольку, судя по картам, между Вильно и Яново по прямой примерно 27 км, и более чем сомнительно, чтобы в тот день Наполеон проделал столь далекий путь; по словам Коленкура, он проехал с авангардом около 10 км. Ни у одного отечественного историка мы не нашли описания этой стычки, лишь М.И. Богданович ограничился указанием, что «корпус Удино с кирасирской дивизией Думерка, восстановив мост на Вилии, сожженный нашими войсками, переправился на правую сторону сей реки и следовал частью вверх по ней к Янову, частью же на Бобты».⁷

3) В 8 часов 13 (25) июня генерал Э. Бордесуль сообщил из Кормелова, что разведки, высланные им ночью, встретили казаков, захвативших партию из 45 гусар из 5-й роты капитана Монфора, которая выступила в 3 часа и следовала вдоль реки; гусары не успели ни выстрелить из карабинов, ни вынуть сабли из ножен. Один единственный гусар из этого отряда бросился в болото и был спасен разведкой, высланной Бордесулем. Казаки отступили и расположились в трех деревнях. Все жители согласно утверждали, что русская армия отступает к Вильно, прикрываясь легкой кавалерией. Бордесуль разместил своих кавалеристов возле леса позади Кормелова.

В 10.30 Бордесуль отправил из Кормелова еще более подробный рапорт, где сообщил, что «лейтенант Шепи из 5-го гусарского полка, составлявшего часть отряда под командой капитана Монфора, в данный момент вернулся к моей правой сторожевой заставе». Лейтенант сообщил, что его отряд этим утром был отрезан и окружен, Монфор тотчас решил отступить по трем дорогам: одна шла через лес, по второй он отправил 30 человек 7-го гусарского полка, по третьей – лейтенанта Шепи. Бордесуль послал по всем этим дорогам отряды из 25 пехотинцев и 25 кавалеристов, чтобы узнать новости. Выяснили, что Монфор воссоединил большую часть своих разведчиков и отступил в порядке; потери его отряда точно не известны, но, видимо, они составили до 30 человек. Разведчики донесли, что видели сильную колонну пехоты позади мельницы в Яново. Опрошенные крестьяне сказали, что мост в Яново уже просмолен и готов к поджогу. Казаки вернулись и разместились у одного из сожженных мостов, но после прибытия туда отряда Монфора они ретировались.

По русским данным, в стычках с противником в тот день особо отличился 1-й Бугский полк из авангарда 2-го пехотного корпуса. В одной из них при д. Тужаны (недалеко от Кормелова) бугские казаки разбили партию капитана Монфора – 45 человек из 5-го гусарского полка. Рано утром эта партия была отправлена на разведку вдоль берега реки, в лесу ввязалась в бой с казаками и попала в засаду. Кроме того, французская разведка напала на д. Барбаришки и захватила в плен прапорщика Муромского пехотного полка Талантова, двух унтер-офицеров и двух рядовых, возвращавшихся к полку с провиантом из д. Папушишки, но рядовой Фёдор Филиппов сумел сбежать.⁸

4) Днем 14 (26) июня к Новым Трокам подошел арьергард генерала И.Л. Шаховского, преследуемый 2-й дивизией легкой кавалерии генерала П. Ватье де Сент-Альфонса. Его отступление прикрывали 1-й Тептярский полк и во второй линии – лейб-казаки. Они прикрывали отступление 20-го и 21-го егерских полков. Арьергард стал располагаться на ночлег, но появился неприятель и произошла стычка.

Шаховский в рапорте Н.А. Тучкову 1-му написал: «Лишь только успел расположиться авангард и аванпосты, как началась перестрелка с аванпостом из лейб-казаков, что по дороге, ведущей в Еве, на правом фланге находящимся, неприятель состоял из 3-х эскадронов и несколько пехоты, я отрядил эскадрон лейб-казаков и только что прибывших пол-эскадрона лейб-гвардии уланов и пол-эскадрона Каргопольского полка драгун в подкрепление. Сражение продолжалось более двух часов, но напоследок лейб-гвардии Казачьего полка штабс-ротмистр Попов с охотниками до 35 лейб-казаков, невзирая на превосходное число неприятеля, ударивши в пики, опрокинул всю его кавалерию, взял в плен шесть человек, из коих ранены 5, в том числе унтер-офицеров 2, на месте убиты до 15-ти, а раненых спасшихся полагаю довольно большое число. С нашей же стороны урону никакого нет, кроме одной раненой лошади. Пленных... при сем честь имею представить».

Особо отличившимися примерной храбростью он назвал штабс-ротмистра И.И. Попова 3-го и корнета Е.А. Конькова 2-го, «а о нижних чинах, отличившихся храбростью, буду иметь честь... представить именной список».

По данным Поликарпова, в тот день произошли еще три стычки.

5) Из авангарда Кульнева из м. Жеймы к м. Вепржи (Veprche) был отправлен для разведки разъезд прапорщика Болговского из 3 унтер-офицеров и 32 солдат Ямбургского драгунского полка. По дороге он наткнулся на французский кавалерийский отряд, также проводивший рекогносцировку. Болговский мужественно вступил в неравный бой и весь разъезд был захвачен в плен, почти все драгуны были переранены. Это были первые русские потери в той войне. По словам Д'Озон де Буаминара, швейцарцы захватили в плен двух русских пехотинцев.

6) Отряд полковника Потёмкина из 2-го корпуса Багговута, державший связь с 3-м пехотным корпусом, выступив из м. Чабишки (Tschebichki), выслал партию казаков к броду через Вилию, чтобы разузнать о неприятеле. Скрытый пикет эскадрона французских драгун открыл по ним огонь. Тогда Потемкин выслал к берегу роту

46-го егерского полка, которая своим огнем вынудила французский эскадрон со всеми его пикетами отступить из д. Литвинники через д. Росяны. При обратной переправе через Вилию утонул раненый урядник. Заметим только, что никаких французских драгун здесь быть не могло!

7) Французский отряд из пехоты и кавалерии показался на другом (правом) берегу Вилии у м. Гельвяны (Ghelvanoui) и произвел «малую» перестрелку с 1-м Бугским казачьим полком из аррьергарда генерала Всеволожского из 2-го корпуса.⁹

8) По данным Поликарпова, 15 (27) июня, состоявший в аррьергарде Кульнева эскадрон майора Пряжевского из Ямбургского драгунского полка занимал аванпосты западнее м. Жеймы. Высланный из этого эскадрона отдельный пикет прапорщика Киркора стоял на высоте, откуда можно было наблюдать проселочную дорогу версты на три. В полуверсте слева от этой высоты на опушке большого леса показались фланкеры французской кавалерии. Киркор рассыпал своих драгун и, фланкируя, завязал перестрелку, после которой отступил к своему эскадрону. Разъезд Ямбургского полка под командой поручика Пословского (2 унтер-офицера и 22 драгуна) был отправлен для разведки о неприятеле и выяснения судьбы разъезда прапорщика Болговского, высланного накануне из м. Жеймы к местечкам Вепржи и Яново, «откуда все они не возвратились». На другой день Удино сообщит Бертье, что его «авангард сражался на этой дороге и взял две багажные повозки и одиннадцать пехотинцев».

9) В 16 часов аррьергард генерала Шаховского из 3-го корпуса выступил из Трок через Мурованную Ваку к Вильно, куда прибыл вечером. Французский отряд из трех эскадронов и небольшого числа пехоты завязал перестрелку с передовым сторожевым постом лейб-гвардии Казачьего полка, стоявшим на правом фланге аррьергарда Шаховского по дороге из г. Новые Троки в м. Еве. Шаховский отрядил для подкрепления поста полуэскадрон лейб-гвардии Уланского и полуэскадрон Каргопольского драгунского полков. Бой продолжался более двух часов, и напоследок Казачьего полка штабс-ротмистр Попов и корнет Коньков 2-й с 35 охотниками, не-

взирая на численное превосходство неприятеля, ударили в дротики и опрокинули его. Французы потеряли убитыми 15 нижних чинов и взятыми в плен двух унтер-офицеров и трёх рядовых.

10) Полковник Т.Б. Эльмурзин с двумя взводами лейб-гвардии Казачьего полка, следуя в м. Рыконты из м. Еве, где ожидал штабс-ротмистра этого же полка, отступавшего со своим взводом из м. Жижморы, был преследуем французским конным отрядом, удерживал его сколько было возможно и присоединился к отряду генерала А.А. Тучкова 4-го в Рыконты. В 13 часов Тучков 4-й выслал из м. Рыконты по Ковенской дороге «сильную партию» лейб-гвардии Казачьего полка, которая в 7 верстах от Рыконт встретила французскую кавалерию и после перестрелки с нею «удалила оную на некоторое разстояние».¹⁰

Итак, на протяжении первых четырех дней войны произошло 10 стычек и боев с неприятелем, а на следующий, 5-й день случится гораздо более крупное «первоначальное дело» корпуса Витгенштейна при Девельтове, о котором мы расскажем в следующем докладе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Подмазо А.А.* Большая европейская война 1812–1815 годов: Хроника событий. М., 2003. С. 30; *Поликарпов Н.П.* К истории Отечественной войны 1812 года (по первоисточникам). Забытые и неописанные военной историей *сражения* Отечественной войны 1812 года... Вып. I. М., 1911. С. 56–60.

² *Власенко А.Г.* Презентация книги «1812 год: От Немана до Витебска» // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2016. С. 138.

³ *Поликарпов Н.П.* Указ. соч. С. 56; Бернацкий Н. Ковенская старина 1812 г. // ВИС. 1914. № 1. С. 100. № 2. С. 93; *Сапожников А.И.* Войско донское в Отечественной войне 1812 года. М.–СПб., 2012. С. 80–84; *Власенко А.Г.* Указ. соч. С. 136–137 (попытка преподнести сюжет с бугскими и лейб-казаками как *собственное* открытие).

⁴ *Bertin G.* Campagne de 1812 d'après des temoins oculaires. Paris, 1895. P. 16–17; *Lejeune L.F.* Mémoires du général Lejeune. Vol. II. Paris, 1895. P. 177–178; *Girod de l'Ain M.* Dix ans de mes souvenirs militaires de 1805 à 1815. Paris, 1873. P. 238; *Fain A.* Manuscrit de 1812. T. I. Paris, 1827. P. 169; [*Pajol*

Ch.P.V.] Pajol général en chef par le général de division comte Pajol son fils aîné. T. III. (1812–1844). Paris, 1874. P. 6; Сегюр Ф.П. Поход в Россию... Смоленск, 2003. С. 33–34, 367.

⁵ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 г. М., 2007. С. 59; *Скугаревский А.П.* 1812 год. От начала войны до Смоленска включительно. Казань, 1898. С. 32–33; *Бориславский Г.А.* События в Вильно в 1812 г. // ВС. 1903. № 6. С. 39; *Гарнич Н.Ф.* 1812 год. М., 1956. С. 57; *Бородино 1812. М., 1987. С. 38; Шишов А.В.* Битва великих империй. Слава и горечь 1812 года. М., 2005. С. 83–87.

⁶ *Correspondance de Napoléon I-er. T. 23. Paris, 1867. № 18857 (далее: Corr.).*

⁷ *Corr. № 18858; Segur Ph.P. Histoire et mémoires. T. I. Paris, 1873. P. 152–153; Bégos L. Souvenirs des campagnes. Lausanne, 1859. P. 175–176; Chlapowski D. Mémoires sur les guerres de Napoléon 1806–1813. Paris, 1908. P. 248–49; Isler B. Erinnerungen des Herrn Oberst Bernhard Isler von Wohlen i. A. weiland Lieutenant in napoleonischen Diensten. Aaran, 1895. S. 25; D'Auzon de Boisminart W.P. Herinnering uit der veldtocht van Rusland... Amsterdam, 1824. S. 66; Fain. Op. cit. I. P. 170; Laugier C. Gli Italiani in Russia. Memorie di un ufficiale italiano. Vol. I. Italia, 1826. P. 277; Kukiel M. Wojna 1812 roku. T. I. Kraków, 1937. S. 291; Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 518–519; Сегюр Ф. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск, 2003. С. 37–38; Воспоминания генерала Хлаповского о войне 1812 г. // Вестник иностранной литературы. 1902. № 10. С. 14 (горе-переводчик даже не указал, через какую реку шла переправа); Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 1. СПб., 1859. С. 129.*

⁸ *Fabry G. Campagne de Russie. 1812: Operations militaires. T. I. Paris, 1900. P. 16–18; Поликарпов Н.П. Указ. соч. 57; Сапожников А.И. Указ. соч. С. 85.*

⁹ *Войска Витгенштейна. 162; Поликарпов Н.П. Указ. соч. С. 57–58; Сапожников А.И. Указ. соч., С. 85–86; Морозов О.В. 21-й егерский полк в Отечественной войне 1812 года // Отечественная война 1812 года и российская провинция... Малоярославец, 2006. С. 93; D'Auzon de Boisminart. Op. cit. S. 68; Laugier. Op. cit. Vol. I. P. 282.*

¹⁰ *Fabry. Op. cit. Vol. I. P. 49; Fabry. Vol. IV. Annexe. P. 11–12; Laugier. Op. cit. Vol. I. P. 282; D'Auzon de Boisminart. Op. cit. P. 68; Поликарпов Н.П. Указ. соч. С. 58–60; Войска Витгенштейна. С. 162–164; Морозов О.В. Указ. соч. С. 93.*